Зеньковский В.В. История русской философии. М., 1991. Т. 1. Ч. 2. Гл. 9. Полупозитивизм в русской философии XIX века. К.Д. Кавелин. П.Л. Лавров. Н.К. Михайловский. Н.И. Кареев. С. 151–183.
Кареев Н.И. О сущности гуманитарного образования // Историко-философские и социологические этюды. СПб., 1899.
Кареев Н.И. Общие основы социологии. Пг., 1919.
Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб., 1996.
Ковалевский М.М. Социология на Западе и в России // Новые идеи в социологии. Сб.1 / Под ред. *М.М. Ковалевского*. СПб., 1913а.
Ковалевский М.М. Современные французские социологи // Вестник Европы. 1913б. № 7. С. 351.
Ковалевский М.М. Сочинения в 2-х т. СПб., 1997.
Майоров Г.Г. Философия как искание абсолюта. Опыты теоретические и исторические. 2-е изд. М., 2009.
Очерки истории политической науки в Московском университете (1755–1835) / Под ред. *А.Ю. Шутова*. М., 2009.
Тощенко Ж.Т. Политическая социология // Тезаурус социологии. Тематический словарь-справочник / Под ред. *Ж.Т. Тощенко*. М., 2009.

© 2015 г.

А.В. МАЛИНОВ

“СОЦИОЛОГИЯ В ДУХЕ МАТЕРИАЛИЗМА” (О ЛЕКЦИЯХ АКАДЕМИКА А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО)

МАЛИНОВ Алексей Валерьевич – доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии Санкт-Петербургского государственного университета (E-mail: a.v.malinov@gmail.com).

Аннотация. *На основе рукописи А.С. Лаппо-Данилевского “Научные основы социологии в их историческом развитии” (1911) анализируется выполненный им анализ материалистического направления в социологии – марксистской социологии. Он рассматривал марксизм как разновидность “номотетического подхода” в социальных науках и полагал, что исторический материализм в его догматической версии исчерпал возможности развития. Перспективу этого идейного направления он усматривал в трансформации материалистического подхода на основе признания роли идей в истории, учета психологического и гносеологического анализа.*

Ключевые слова: *А.С. Лаппо-Данилевский • материализм • номотетический метод • марксизм и социология • исторический материализм*

Становление социологии в России пришлось на последнюю треть XIX в. В российской социологии начала XX в. можно выделить позитивистское, неокантианское и марксистское направления. Приверженцы позитивизма в социологии заявили о себе ранее всех как сторонники натуралистического, органицистского, механицистского или физикалистского построения науки об обществе. Представители субъективной школы и последователи эмпириокритицизма в ряде положений сближались с неокантианством. В неокантиантской социологии можно видеть, с одной стороны, тех,

Статья выполнена при поддержке РГНФ (грант 13-03-00301).

кто отдавали предпочтение исследованию логико-гносеологических вопросов социальных наук, а с другой – приверженцев “аксиологического анализа” и ценностного подхода применительно к изучению социально-исторических явлений. Такое деление отчасти повторяло противостояние двух ведущих школ немецкого неокантианства – Марбургской и Баденской. В русском марксизме также оформилось два направления, за которыми закрепились названия легального и ортодоксального. Взаимная полемика внутри этих направлений и между ними стимулировала уточнение социологами собственных теоретических оснований и способствовала более четкой отработке выдвигаемых концепций. Можно, например, вспомнить критику Н.И. Кареевым марксизма с позиций субъективной школы. Другой пример – критика В.И. Лениным русских последователей эмпириокритицизма, включая участников социал-демократического движения (А.А. Богданов, П.С. Юшкевич, В.А. Базаров, А.В. Луначарский и др.). Радикализация общественной жизни в России начала XX в. и рост влияния марксизма и радикальных социалистических партий вызывали интерес к исследованию истоков материалистического направления в социальных науках. За эту тему взялся один из наиболее авторитетных представителей русского неокантианства – академик А.С. Лаппо-Данилевский.

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863–1919) вошел в историю российской социологии как один из организаторов социологической науки, первый председатель Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского [Ростовцев, 2004; Малинов, 2013a; Малинов, 2013b; Малинов, 2013c]. Крупных самостоятельных социологических работ Лаппо-Данилевский не оставил, за исключением обширной статьи “Основные принципы социологической доктрины О. Конта” в сборнике “Проблемы идеализма” (1902). Однако далеко не все исследования были опубликованы при жизни учёного. В первую очередь это касается его главного исторического труда: “История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом её культуры и политики”, до сих пор изданного лишь частично [Лаппо-Данилевский, 1990; 2005]. Не были опубликованы курсы Лаппо-Данилевского по социологии, сохранившиеся в фонде ученого в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (Ф. 113). Лекции по социологии самим Лаппо-Данилевским не предназначались для печати. Они представляют собой краткие записи, выписки из книг, подготовительные заметки. Отчасти их неполноту компенсирует курс по “Методологии истории”, к переработке которого ученый приступил в последние годы жизни. Новая редакция “Методологии истории”, вышедшая в 1923 г. и обозначенная как “посмертное издание”, содержит много параллелей с лекциями Лаппо-Данилевского по социологии. Посмертное издание “Методологии истории” можно рассматривать как историческое введение в социологию, хотя сам Лаппо-Данилевский в этом случае предпочитал говорить о “теории обществознания”. Содержательно она во многом совпадает с курсом лекций “Научные основы социологии в их историческом развитии”, рукописные наброски к изложению которого хранятся в архиве (СПФ АРАН, Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344). К сожалению, Лаппо-Данилевский не успел завершить работу над новой редакцией “Методологии истории”.

В курсе “Научные основы социологии в их историческом развитии” Лаппо-Данилевским был предусмотрен раздел “Социология в духе материализма (исторический материализм)” с подзаголовком “К основанию социологии?”. Посмертное издание “Методологии истории” заканчивается обширным параграфом (поскольку книга не была завершена и в ней всего два параграфа) “Номотетическое построение исторического знания с точки зрения материализма”, состоящим из двух разделов: “Образование нового понимания истории в новое время” и “Развитие исторического материализма в новейшее время”. В первом разделе рассматривается предыстория материалистического взгляда на исторический процесс (Ламетри, Гольбах, Гельвеций, Кабанис, Сен-Симон, Штейн, Раумер, Роджерс). Во втором представлено учение К. Маркса и Ф. Энгельса и некоторых их последователей. В заключение последнего раздела Лап-

по-Данилевский коснулся пересмотра основ марксизма с “трансцедентально-идеалистических” позиций (ревизионизм, неокантианство) и трансформации материалистического подхода в эмпириокритицизме (Е.Н. Щепкин, Р.Ю. Виппер).

Второй параграф “Методологии истории” – фактически единственная работа, в которой Лаппо-Данилевский анализирует марксистское учение. Тем интереснее дополнения, которые содержатся в рукописи “Научные основы социологии”. Сохранившиеся фрагменты этого курса приводятся в статье с максимальной полнотой.

В отечественной историографии утвердилось представление о Лаппо-Данилевском как о представителе русского неокантианства [Цамутали, 1986; Синицын, 1990; Рамазанов, 1999–2000; Малинов, Погодин, 2001; Ростовцев, 2004; Трапш, 2006], хотя такая атрибутация иногда вызывает сомнения [Румянцева, 2013]. “Методология истории” Лаппо-Данилевского в редакции 1910–1913 гг. дает больше всего аргументов для такой оценки. В теоретико-методологических работах Лаппо-Данилевского также заметно влияние позитивизма. Ни в его исторических, ни в его теоретических работах не обнаруживается симпатий к марксизму. Вместе с тем Лаппо-Данилевский не демонстрирует открыто отрицательное отношение к материалистическому пониманию истории. Разрабатывая во многом иной взгляд на историю, он поддержал выдвижение кандидатуры “легального марксиста” П.Б. Струве в Академию наук, дав положительный отзыв о его научных трудах.

Нет необходимости подробно останавливаться на истории марксистской историографии в России рубежа XIX–XX вв. Она обстоятельно рассмотрена в замечательном исследовании [Леонтьева, 2004]. Трудно сказать, насколько изменилось бы отношение Лаппо-Данилевского к марксизму, проживи он немного дольше. Неприятие власти большевиков было типично для людей его социального положения, образования и политических убеждений. Преждевременная смерть не позволила ему стать свидетелем директивного вытеснения историческим материализмом из научной и образовательной среды социологии и других социальных учений.

В своем изложении Лаппо-Данилевский не оппонирует марксизму, а видит в нем развитие давней тенденции социальной мысли, которую он по неокантиански обозначает как “номотетическое построение”. Марксизм для него органично вытекал из развития европейских научно-философских и социальных учений. Не случайно в лекциях он много места уделял истокам материалистического взгляда на историю и общество. Не разделяя базовых положений такого метода, он вполне допускал их в качестве возможной точки зрения, не предвидя, конечно, тех последствий, к которым привело в XX в. в России идеологическое доминирование “единственно верного учения”. Нейтральная интонация лекций Лаппо-Данилевского свидетельствует о том, что он воспринимал марксизм как учение, уже сыгравшее свою роль в истории социальной мысли. Экономический материализм не был для него последним словом в науке об обществе. Лаппо-Данилевский, подобно М.И. Туган-Барановскому, пытается показать, в каких направлениях и под влиянием каких идей трансформируется материалистическое понимание истории. Посмертное издание “Методологии истории” Лаппо-Данилевского завершается рассмотрением материалистического учения лишь в силу того, что смерть прервала его работу над новой редакцией этого труда.

Рукописи Лаппо-Данилевского, содержащие конспекты различных произведений (частично сделанные не его рукой, а, возможно, его учениками), дают представление об источниках, которыми он пользовался при подготовке лекций. Помимо работ К. Маркса и Ф. Энгельса, это подробные выписки из сочинений Вольтмана, Плеханова и Туган-Барановского. В “Методологии истории” круг используемых источников значительно шире.

Курс лекций “Научные основы социологии” был прочитан в ноябре 1911 г. в Санкт-Петербургском обществе народных университетов. Увлечение материализмом к тому времени охватывало уже несколько десятилетий. «С середины прошлого века, – от-

мечал Лаппо-Данилевский, – материализм получил довольно широкое распространение, в особенности после известных споров, происходивших из-за него в собрании естествоиспытателей в Гёттингене в 1854-м г. В то время Молешотт уже выступил со своим рассуждением о “круговороте жизни”» [СПФ АРАН: 301]. Однако материализм как мировоззренческая и философская традиция берет свое начало еще в Античности. Перенесение же материалистической точки зрения на общество – заслуга Нового времени. Здесь Лаппо-Данилевский, в частности, указывал на одного из последователей Р. Декарта – Г. Леруа.

К предшественникам того мировоззрения, выражением которое стал марксизм, Лаппо-Данилевский относил Ж. Бодена, сформулировавшего учение о влиянии климата на характер, нравы народа и создаваемые им учреждения, а также механистическую концепцию мира, предложенную Р. Декартом. “В новое время, – писал он, – такое настроение стало крепнуть, в особенности после того, как Декарт предложил свою механистическую концепцию мира, поддержанную Спинозой, а Бейль выступил со своим скептическим полуисторизмом” [СПФ АРАН: 302]. Исторический материализм, таким образом, воспринимался как наследник механистического мировоззрения в науке Нового времени и перенесения такого взгляда на общество, согласно которому в социальной сфере должны действовать непреложные законы, аналогичные законам природы и позволяющие изучать социальные процессы с той же степенью достоверности, с какой наука объясняет природу. Материалистический подход к изучению общества означал признание решающего значения в формировании и развитии общества экономических, природно-климатических и демографических детерминаций.

Более развитое материалистическое мировоззрение сформировалось в XVIII в. в лоне французского просвещения и движения философов-энциклопедистов (Д. Дидро, П.А. Гольбах, Ж.О. Ламетри, К.А. Гельвеций). Лаппо-Данилевский указывает также на “теорию климата” Ш.Л. Монтескье и на “Новую науку” Дж. Вико, который “пытался указать на *человеческие потребности и выгоды* общественной жизни, как на *естественные причины*, действием которых можно объяснить образование религий и мифов, естественного права и т. п.”, и на представителя немецкого просвещения И.Г. Гердера, который приближался “к объяснению исторических явлений действием собственно *экономических факторов*”. Также упомянут социалист-утопист А. Сен-Симон, который “еще шире пользовался объяснениями подобного рода; он придавал преобладающее значение в прошлом и будущем человечества *экономическим* потребностям (Begehren) и *прогрессу техники*” [СПФ АРАН: 90].

С “учением о преобладающем значении экономических, а не идеальных факторов в развитии социальной жизни” [Лаппо-Данилевский, 1923: 206] связано и понятие классовой борьбы, истоки которого Лаппо-Данилевский также усматривал в XVIII в. (Марешаль, Бабёф). Учение Г. Бабёфа содержит и другие идейные зародыши, развитые марксизмом. “Хотя понятие Маркса о диалектическом процессе, – писал в лекциях Лаппо-Данилевский, ссылаясь на W. Sulzbach’a, – навеяно по всей вероятности Гегелем, оно всё же обнаруживает значительное сходство с той схемою, предложенной Бабёфом” [СПФ АРАН: 290]. «После некоторых колебаний Маркс и Энгельс пришли к заключению, что французская революция, по крайней мере, до падения Робеспьера, в известном смысле была “социальным движением”, и признавали заговор Бабёфа моментом, когда зародилась идея коммунизма» [СПФ АРАН: 296].

Французский и английский материализм, успехи естествознания и распространение научного мировоззрения, учение Дж. Вико и особенно А. Сен-Симона оказали влияние на формирование взглядов К. Маркса, который также, как его предшественники, «стремился установить в *естественнонаучном* смысле причинно-следственную связь между социальными явлениями; значит их “*законы*” [СПФ АРАН: 92]. С[ен-]Симон представлял французскую революцию в виде *борьбы классов*, а в 1816 г. признал *политику наукой о производстве* и предсказывал, что “политика” должна будет превратиться в “экономию”» [СПФ АРАН: 92].

Особо Лаппо-Данилевский сравнивал экономический материализм К. Маркса с учением О. Конта, отмечая, что концепция Маркса сложилась еще при жизни основоположника социологии, а именно, в 1845–1859 гг. Однако он не был склонен усматривать заимствование. Он полагал, что некоторые моменты единомыслия оказываются следствием общих истоков позитивизма и марксизма как продолжателей линии утопического социализма, в частности, сенсимонизма. "*Конт и Маркс* [находятся] *под влиянием однородных* идей, хотя и *не зависят* друг от друга" [СПФ АРАН: 88]. В лекциях по социологии Лаппо-Данилевский проводит следующее сравнение двух концепций:

«Конт:

1) последний рассуждал о социальной статике и динамике в *механическом* смысле, *но уклонился от принципа причинно-следственности*;

2) и придавал больший авторитет правительству над личностью, а также стремился к *социальному возрождению* (с[равни] С[ен]-Симона до 1814–1815 г.), что несколько сближало с "*коллективизмом*" (социализмом), чем с индивидуализмом; но он в "коллективизме" ценил лишь *критику* современного строя, а не его положительные выводы и признавал плодотворное значение начала личности в общественном развитии.

1) *Маркс* выступил с *естественно-научным* пониманием социальной жизни в духе причинно-следственности.

2) *Маркс* изучал французских социалистов, *С[ен]-Симона, Прудона* и др." [СПФ АРАН: 88].

В отличие от О. Конта воздействие философии Гегеля на Маркса было бесспорным. Однако это влияние свелось, прежде всего, к заимствованию диалектического метода (а не метафизической системы), переосмысленного Марксом. Приведу соответствующий фрагмент из лекций Лаппо-Данилевского: "Маркс не мог, однако, избежать и влияния философии *Гегеля*, в то время как господствовавшей в Германии, тем более, что окончил свое образование в *Берлинском* университете (Dr. phil. 1841). Диалектическое развитие Гегеля (Sein, Nicht Sein, Dasein) с принятой Марксом *естественно-научной причинно-следственной* точкой зрения не могло, однако, удовлетворить его. Раскрытие духа в мировом процессе, строго говоря, не причинно-следственное построение. Гегель "stellt die Welt auf den Kopf".

<...>

Форма диалектического развития Гегеля, его *трихотомия* – осталась и у Маркса; отсюда *Position* (Thesis). Sein.

1) Человечество с потенциальной человечностью; ср. der abstrakte Mensch *Фейербаха*.

2) *Negation* (Antithesis), Nicht Sein – человечество в буржуазном строе, отрицающем истинную человечность пролетариата. Борьба классов, Дарвин.

Synthesis, Dasein.

3) Человечество с развитою человечностью, осуществленною в социалистическом строе; влияние *этического идеализма*» [СПФ АРАН: 93–94].

В то же время Лаппо-Данилевский указывал, что диалектическим методом пользовался уже И.Г. Фихте, которого "представители марксизма забыли отметить". Материалистический подход в истории означал, что «диалектический метод, в сущности, превращался в построениях Маркса и Энгельса в естественно-историческое генетическое исследование той зависимости, в какой дух находится от материи, и того реально необходимого процесса "естественного" развития, который включает и историю человечества» [Лаппо-Данилевский, 1923: 221].

Из других влияний, испытанных марксизмом, Лаппо-Данилевский в своих лекциях упоминал фурьеризм и более подробно останавливался на Л. Фейербахе. "В отличие от Фейербаха, слишком изолировавшего человека для того, чтобы подвергнуть его внутренний мир лучшему анализу, – писал он, – Маркс снова водворял его в то обще-

ство, к которому он принадлежит и продуктом которого он является. <...> Подобно тому, как Фейербах рассуждал о том, что Бог есть, в сущности, образ человека, так Маркс проповедовал, что идеи, чувства и волевые стремления людей суть только отражения условий их существования, и что движения в области религии и литературы, философии и политики лишь обозначают собою более глубокие движения в области экономической жизни народов; подобно тому, как Фейербах полагал, что история богов ничто иное, как повторение в небесной сфере прогрессивного развития людей на земле, так Маркс представлял себе, что история человечества ничто иное, как doublure истории производства” [СПФ АРАН: 298–299].

Экономический материализм Маркса, утверждал Лаппо-Данилевский, был попыткой научно объяснить происходящие в обществе процессы, выявить причинно-следственные связи, которым подчиняются все естественные процессы. “Экономическое построение, – писал он, – также имеет в виду установление *причинно-следственной* связи между явлениями общественной жизни, притом:

1) в возможно более строгом, *естественно-научном* смысле слова;

2) что всего более осуществимо применительно к материальным (экономическим) факторам социальной жизни, поскольку они порождают соответствующие им *продукты* культуры” [СПФ АРАН: 89].

Рассматривая общество как часть мира природы, Маркс был убежден в закономерности социальных процессов. “Маркс, – рассуждал в лекциях по социологии Лаппо-Данилевский, – исходил из мысли о *сплошной законосообразности* явлений общественной жизни и о совершенно *однородном ее прогрессе*. Он сознательно стремился к построению учения о *законосообразности* социальной жизни в *механическом* смысле; задаваясь вопросом, *в чем именно* такая законосообразность состоит, он приходил к материалистическому построению социальной жизни” [СПФ АРАН: 91]. Естественнонаучная установка приводила Маркса к попытке объяснить социальные явления, исходя из причинно-следственных связей, обнаруживаемых в экономической деятельности людей. Складывающаяся в экономике система отношений, в свою очередь, формировала мировоззрение людей, их жизненные интересы и ценности. «Маркс, – отмечал Лаппо-Данилевский, – категорически заявил, что “*не сознание* человечества определяет его быт, а, наоборот, этот последний определяет собою сознание людей”» [СПФ АРАН: 97]. В лекциях “Научные основы социологии” Лаппо-Данилевский писал о принципе законосообразности в марксизме: «Маркс сам признал *правильным* следующий общий отзыв о его направлении: “Для Маркса прежде всего важно (установить) *законы явлений*, их перемен, их развития, их перехода из одной формы в другую, от одного порядка отношений к другому”, причем такие переходы совершаются, верят ли в них люди или не верят, сознают ли их (необходимость) или не сознают» [СПФ АРАН: 92]. «В *естественно-научном* смысле причинно-след[ственная] связь обнаруживается в естественном процессе социального развития, что приводит к *экономическому* построению, ибо *экономический процесс* всего легче связать с природой (ср. влияние Молешотта, Дарвина, Гексли – L. Woltmann).

<...>

Связь между работой (и техникой) и производством; производством и обменом его продуктов и производственными отношениями и социальной структурой; производство материальных ценностей есть “*базис всякой социальной жизни,* а, следовательно, и всякой действительной (реальной) истории”; производственными отношениями и правом, юридической и политической “надстройкой”; последним и умственным состоянием общества, а также его религией.

В сущности Маркс смотрит (в своем Капитале) на людей, *лишь поскольку* они персонифицируют экономические категории, но сам часто забывает о такой методологической точке зрения и даже говорит, что не Дух движет историческим развитием,

а, напротив, сам движим экономическим развитием, на которое он реагирует через посредство классового сознания и революции» [СПФ АРАН: 95].

Философско-историческое учение Маркса Лаппо-Данилевский предпочитал называть “историческим материализмом”, а не “экономическим материализмом”, считая первое название более аутентичным и поддерживаемым самими сторонниками этого учения. «К сожалению, – сетовал Лаппо-Данилевский, – сам Маркс нигде не дал систематического изложения исторического материализма, что лишь отчасти заменяется известными книгами Энгельса о Дюринге и Фейербахе, а также его статьей в “Die Neue Zeit”» [Лаппо-Данилевский, 1923: 215]. В лекциях ученого сохранилось лишь несколько фрагментов, в которых он дает изложение исторического материализма. Прежде всего, это касается применения социально-экономического учения Маркса к объяснению исторических событий. «Маркс приложил, между прочим, свое учение о борьбе классов, обусловленной антагонизмом экономических интересов, об эксплуатации пролетариата, о грядущей его “диктатуре”, как переходной стадии к упразднению классовых различий и т.п., к рассмотрению французского революционного движения 1848–1850 и последовавшего переворота. <…> Вообще, признавая, что революция – “локомотив истории”, он усматривал в них движение, которое приведет к водворению социалист[ического] строя. <…> Впрочем, сам Маркс не совсем упускал из виду и другие факторы исторического процесса: он заключает, что материальный способ производства “прежде превращается в головах людей в представления и идеи” (а потом уже действует на социальный процесс?), но ближайшие последователи Маркса не придали значения такому ограничению. Энгельс, Бебель, Лафарг, Каутский, в сущности, отрицали по крайней мере относительно-самостоятельную роль сознания в таком процессе и представляли себе дело так, как если бы материальные силы одни только приводили в движение ту машину, которую они называли человеком» [СПФ АРАН: 277–281]. Здесь же Лаппо-Данилевский ссылается на Е. Бергейма. В другом месте он касается вопроса о развитии исторического материализма последователями Маркса. Этот фрагмент во многом совпадает с соответствующим разделом “Методологии истории”:

«Многие из современных представителей экономического материализма пытались приложить его начала и к историческим построениям: еще недавно, например, Лориа рассуждал о “социальной морфологии”, Лабриола “о материалистической концепции истории” и т.п.

В своей книге о происхождении семьи и проч. Энгельс устанавливает несколько периодов развития в зависимости от разделения труда других экономических факторов: он приписывает образование родового gentile строя обособлению пастушеских племен от остального общества; оно породило междуплеменной обмен главным образом скотом и натуральными продуктами, которые стали объектом частной собственности, что и подготовило рабство и падение матриархатного строя. Вслед за развитием частной собственности наступило и дальнейшее разделение труда, состоявшее в обособлении ремесла от земледелия, и обмен полезностями (commodities), благоприятствовавший экономическому преобладанию мужчин и водворению патриархального строя, а затем и моногамической семьи. Наконец, развитие капитала, связанное с образованием особого купеческого класса и появлением денег, хотя бы такой капитал и имел только торговый характер, стало подрывать прежнюю родовую организацию и способствовало образованию собственно политического устройства или государства.

Кунов отчасти продолжил работы Энгельса и внес в них довольно существенные поправки: в ряде статей он выяснил “экономическую основу” первобытного разделения труда, в силу которого мужчина поставлял животную, а женщина – растительную пищу, причем она же получала существенное значение и в домашней индустрии, обусловливавшей примитивные формы обмена (barter); такую же “экономическую

основу” он усматривает, разумеется, и в древней семье, причем обратил особенное внимание на ее значение для “матриархата”, в котором экономические факторы и обусловили наследование по женской линии.

Научное применение общих начал исторического материализма к специальному исследованию собственно исторических проблем было довольно ограниченным. Подобно Энгельсу, например, Кунов занялся изучением первобытного общественного строя.

Вне круга марксистов, тесно связывавших исторический материализм с социалистической пропагандой практической деятельности, он не получил широкого распространения и высказывался лишь отчасти некоторыми из придававших ему исключительное значение» [СПФ АРАН: 311–315].

Перспективы развития марксизма Лаппо-Данилевский видел, прежде всего, в обращении к ранним работам Маркса, считая их менее догматичными. Для “раннего Маркса” исторический материализм был «“научным методом для исследования процесса человеческого развития”, причем [он] не находил возможным ограничиваться “естественно-историческим материализмом”, упускающим из виду, что люди живут не только в природе, но и в обществе, и противополагал ему “исторический материализм”, обращающий внимание на то, каким образом сознание человека определяется внутри того общества, в котором он только и может достигнуть своего сознания и жить как сознательное существо» [СПФ АРАН: 282]. Ссылаясь на Ф. Меринга, Лаппо-Данилевский добавлял: «впрочем, автор тут же спешит оговорится, что “материальные основы” таких союзов, как племя, род, класс и определяют “идеальное сознание” человека, живущего в них. В еще более смягченной форме, в сущности, уже довольно далекой от исторического материализма, аналогичные взгляды высказывались и некоторыми историками» [СПФ АРАН: 282]. В данном случае Лаппо-Данилевский имел в виду, вероятно, историка Д.М. Петрушевского, который упоминается тут на полях. В “Методологии истории” в том же контексте он указывал на П.Г. Виноградова и М.М. Ковалевского, допускающих “материальную историю” или признающих связь исторических явлений с демографическими изменениями.

Как профессионального историка, исторический материализм интересовал Лаппо-Данилевского не только как одно из социальных учений, которому отведен раздел в историческом введении в социологию. Марксизм поднимал важные для ученого теоретико-методологические вопросы, касающиеся исторического процесса, его структуры, понятий и принципов, которые можно использовать в познании прошлого. И здесь исторический материализм перекликался с существующими теориями исторического процесса. Собственно говоря, теория общественно-экономических формаций была одной из моделей исторического процесса. “Экономический материализм, – отмечал Лаппо-Данилевский, ссылаясь попутно на К. Штаммера, – вызвал довольно оживленный обмен мнений, касавшихся и принципов и методов исторического построения: многие стали обсуждать, например, значение в нем принципа причинно-следственности, роль тех, а не иных факторов в историческом процессе, материальных или духовных, ту периодизацию его, которая казалась им наиболее приемлемой и т.п. В частности, достаточно припомнить, что, помимо приверженцев и продолжателей Маркса, многие ученые, подвергавшие экономический материализм критическому расследованию, также касались проблем подобного рода, например: Штаммлер и Кареев, Масарик и Вольтман, Сеэлигмэн и Гаммахер и многие другие историки и критики марксизма” [СПФ АРАН: 288].

“Аутентичным истолкователем” марксистской доктрины был Ф. Энгельс, который, правда, как полагал русский историк, мало сделал для теоретического обоснования марксизма. «Энгельс внес, однако, два существенных ограничения в теорию историч[еского] материализма.

1) в своем Anti Dühring и в Ursprung der Familie, des Privateigentum und des Staates Энгельс развивает мысль, что “*в последней инстанции*” решительным фактором исто-

рии оказывается *производство* и *воспроизведение* жизни (размножение расы). Маркс говорит о *непосредственной* зависимости в сущности *только между* производством и социально-политической надстройкой; от чего Энгельс и отступает: он, значит, признает возможность *воздействия идей* на исторический процесс.

2) Экономическая основа есть как бы материя, "формою" которой (в духе Канта) является "надстройка"» [СПФ АРАН: 98].

Упоминание И. Канта в данном фрагменте не случайно. Слабую сторону исторического материализма Лаппо-Данилевский видел в малой разработанности теоретико-познавательных вопросов. Исторический материализм оставался разновидностью теории исторического процесса. Но ведь история не только происходит, но и познается. Гносеологическое же обоснование социально-исторической концепции марксизма Лаппо-Данилевский считал явно недостаточным. Не случайно в обращении к философскому наследию И. Канта он видел возможность последующей модификации марксистской доктрины и с этой стороны положительно оценивал взгляды Э. Бернштейна и М. Адлера. «Такое стремление подыскать более прочные теоретико-познавательные основы своему учению, – отмечал исследователь, – еще более обнаружилось среди тех приверженцев социализма, которые с конца прошлого века пытались примирить Маркса с Кантом или, говоря точнее, исправить учение Маркса учением Канта. В одной из статей того времени Бернштейн уже высказал, например, убеждение, что "возвращение к Канту" имеет известное значение и для построения теории социализма, а в своих "предпосылках социализма" он выразил пожелание, чтобы и социал-демократия имела своего Канта, который во всеоружии критического метода показал бы, "где кажущийся ее материализм оказывается крайней, а потому очень легко порождающей заблуждения идеологией", и обнаружил бы, что "пренебрежение к идеалу, связанное с возведением материальных факторов на степень всемогущих сил развития, есть самообман…". Под влиянием таких же соображений Адлер приступил к пересмотру некоторых теоретических принципов социализма и остановил свое внимание, между прочим, на выяснении соотношения между понятием о причинно-следственности [и] понятием о целесообразности» [СПФ АРАН: 307, 309]. Здесь же Лаппо-Данилевский ссылается на книгу K. Vorländer "Kant und Marks" (Tübingen, 1911) и ряд других изданий. Он полагал, что "методологическая", т.е. гносеологическая, точка зрения в марксизме может привести его к сближению не только с критицизмом, но "и даже к пониманию исторического процесса с точки зрения какой-либо регулятивной идеи" [Лаппо-Данилевский, 1923: 259].

Уже у Ф. Энгельса Лаппо-Данилевский старался усмотреть отход от жесткого экономического детерминизма ради признания роли идей в историческом процессе. Подобные послабления русский ученый видел (может быть и не совсем оправданно) в учении об идеологии, разрабатываемом в марксизме. «В еще более тесной связи с теорией "отображения" материальной природы социальной субстанции в "головах людей", – писал Лаппо-Данилевский, – стояли попытки Маркса и Энгельса объяснить "идеологические формы"; особенно характерны, например, взгляды их на происхождение частной собственности: материальная сущность товара, определяемая "экономическими отношениями", отображается, по их мнению, в головах людей как идеологическое представление частной собственности. В таком же смысле Маркс и Энгельс рассуждали и о других "идеологических формах" – "юридических, политических, религиозных, философских"» [СПФ АРАН: 264].

Исторический материализм Маркса и Энгельса, полагает Лаппо-Данилевский, был следствием их "научного социализма" и во многом основополагающей частью учения. По словам русского ученого, "лишь в последнее время исторический материализм стал утрачивать то исключительное значение, какое приписывали ему главари научного социализма, и заменяться новыми социалистическими учениями" [Лаппо-Данилевский, 1923: 248]. В "Методологии истории" Лаппо-Данилевский более подробно останавливался на концепциях К. Каутского, П. Лафарга, Г.В. Плеханова и кратко

упоминал Г. Кунова, Н.И. Зибера и М.Н. Покровского. Все они вносили “существенные оговорки” и “симтоматические поправки” в доктрину марксизма и именно этим привлекали Лаппо-Данилевского.

С симпатией Лаппо-Данилевский относился к учению А. Лориа, который в качестве материальной основы исторического процесса отдавал предпочтение не экономическим, а демографическим причинам. “В числе последователей и продолжателей Маркса, например, Лориа занял довольно видное место. Хотя сам Маркс указывал на влияние количества и густоты населения на некоторые стороны экономической жизни, например, на общественное разделение труда, однако, он не придавал такому фактору того широкого значения, которое приписывает ему Лориа. Последний, напротив, полагает, что рост населения обусловливает все экономическое развитие общества и с такой точки зрения предлагает целое построение исторического процесса” [СПФ АРАН: 316]. В “Методологии истории” анализу взглядов А. Лориа уделено несколько больше места [Лаппо-Данилевский, 1923: 253–254].

Лаппо-Данилевский не скрывал, что его привлекает не догматический вариант марксизма, а трансформация этого учения с идеалистической, психологической или теоретико-познавательной точек зрения. Поэтому в “Методологии истории” он специально рассматривал концепции, перерабатывающие марксизм исходя из “соображений не чуждых идеализма и психологизма, и едва ли совсем отсутствовавших у Маркса и Энгельса” [Лаппо-Данилевский, 1923: 255]. В сохранившихся же набросках к лекциям “Научные основы социологии” Лаппо-Данилевский подробнее всего останавливался на взглядах К. Каутского, характеристика которых фактически совпадает с соответствующими страницами “Методологии истории”.

“Методология истории” содержит больше в сравнении с лекциями по социологии материалов о русских толкователях марксизма. Для Лаппо-Данилевского это, главным образом, П.Б. Струве и М.И. Туган-Барановский. Не надо забывать, что Лаппо-Данилевский делает акцент на тех интерпретациях марксизма, которые способны привести к его трансформации на основе идеалистической, психологической или гносеологической точек зрения. Так, по его словам, П.Б. Струве и М.И. Туган-Барановский «стремились с более или менее значительными колебаниями к “коренному преобразованию” исторического материализма под влиянием кантианского идеализма» [Лаппо-Данилевский, 1923: 261]. Более того, согласно оценке Лаппо-Данилевского, М.И. Туган-Барановский предпринял этическое обоснование социализма, что привело, в конце концов, к разрыву с историческим материализмом.

Отдельно Лаппо-Данилевский останавливался на русских сторонниках эмпириокритицизма (В.В. Лесевич, А.В. Луначарский, П. Юшкевич, А. Богданов, В. Базаров, Н. Валентинов) и полемике против них В.И. Ленина. “Вообще, – подводил ученый итог своим историко-социологическим экскурсам, – вышеуказанные попытки переработать научно-социалистическое понимание истории еще не привели, однако, к образованию какой-либо цельной системы, которая могла бы заменить исторический материализм и получить приложение в более специальных социологических и исторических исследованиях” [Лаппо-Данилевский, 1923: 268].

Посмертное издание “Методологии истории” и наброски к лекциям по социологии дают достаточно полное представление об отношении Лаппо-Данилевского к марксизму. Видя односторонность догматического направления в историческом материализме, он надеялся на развитие в марксизме тех тенденций, которые могут привести к сближению его с идеалистическими учениями, прежде всего кантианством. Лаппо-Данилевский, вероятно, был готов принять гносеологическую интерпретацию марксизма, хотя едва ли допускал для себя возможность перехода на марксистские позиции. Трудно сказать, как сложилась бы его судьба в Советской России: был бы он выслан в 1922 г. на “философском пароходе” или, как некоторые его коллеги (Н.И. Кареев, С.Ф. Ольденбург), был бы оставлен новой властью, хотя едва ли ею востребован, был

бы он привлечен по печально известному “академическому делу”? Все эти вопросы принадлежат, как выразился бы А.Н. Радищев, к области “гадательного бытия”. Аполитичность Лаппо-Данилевского оставляла шанс на примирение с новой властью. Но судьбе было угодно иное: неожиданная и даже, на первый взгляд, нелепая смерть в начале 1919 г. навечно связала имя Лаппо-Данилевского лишь с дореволюционной наукой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом ее культуры и политики. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag Gmb&Cie, 2005.

Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1990.

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пг., 1923.

Леонтьева О.Б. Марксизм в России на рубеже XIX–XX вв.: Проблемы методологии истории и теории исторического процесса. Самара: СГУ, 2004.

Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб.: “Искусство – СПб”, 2001.

Малинов А.В. А.С. Лаппо-Данилевский – первый председатель Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013a. Т. XVI. № 3.

Малинов А.В. “Рассадник насущных знаний” (деятельность А.С. Лаппо-Данилевского по организации Института социальных наук) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013b. Т. XVI. № 3.

Малинов А.В. А.С. Лаппо-Данилевский – организатор социологической науки в России // Клио. 2013c. № 12.

Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX в.: в 2 ч. Волгоград, 1999–2000.

Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань: НРИИ, 2004.

Румянцева М.Ф. Рецепция методологической концепции А.С. Лаппо-Данилевского в научно-педагогической школе источниковедения – сайт Источниковедение.ru // Клио. 2013. № 12.

Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344.

Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344.

Синицын О.В. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX века: Неокантианское течение. Казань, 1990.

Трапш Н.А. Теоретико-методологическая концепция А.С. Лаппо-Данилевского: опыт эволюционной реконструкции. Ростов-на-Дону: Изд. Рост. ун-та, 2006.

Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л.: Наука, 1986.